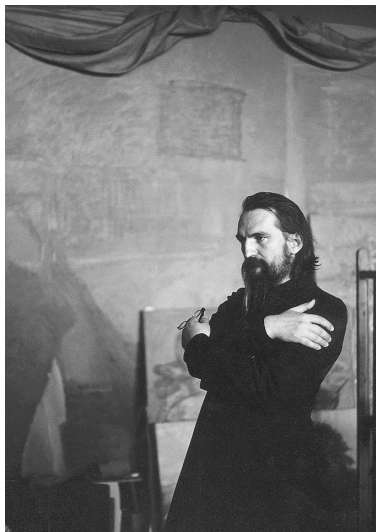

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ ТАКОГО СТРАННОГО ЯВЛЕНИЯ, КАК НЕОАКАДЕМИЗМ

Тимур Новиков. Фото Н.Жерновской. 1998.

Одной из главных заслуг модернизма можно считать уничтожение единого комплекса представлений о прекрасном в европейской культуре. Попытки восстановить единство художественного языка в культурах СССР и Германии закончились неудачей ввиду крушения политических режимов в этих государствах. Вавилонское множество художественных диалектов модернизма вынуждает критику все чаще обращаться к признакам, совсем далеким от искусства – для облегчения классификаций. Но самоотпиливание сука модернизма не уничтожает до конца древа искусства и нашего желания любоваться его цветами – прекрасным. В этом желании прекрасного – и тайные пристрастия постмодернизма, и истоки экологического подхода к культуре. Откопанные и возрожденные Ренессансом Венеры и Аполлоны ныне спят в хрустальных гробах музеев непробудным сном. Их бы снова открыть, да как? И сможет ли древнегреческий заменить эсперанто? Но альтернатива – красота бутылки кока-колы. Созданные культурные заповедники вроде Академии художеств давно не воспитывают поклонников прекрасного. У них другие «художественные» задачи. Движение за неоакадемизм – жалкая попытка «зеленых» от культуры. Шайкой пигмалионов рыщут они по музеям, роют библиотеки, носятся по стадионам, высиживают в театрах. Ищут красоту. А красоты у нас сколько хочешь. Еще осталось.

Несмотря на засилье модернизма в XX веке, интерес к классической европейской культуре никогда не ослабевал. Но значительная трансформация представлений о нем все же произошла. Фетишизация отдельных произведений («Лебединое озеро», «Джоконда», «Акрополь») и личностей (Ван Гог, Моцарт, Пушкин) сопровождается окукливанием героя (Одиссей, Ромео, Дон Жуан) и

утилизирующей антиквариатизацией (картина Рембрандта, византийская икона, обломок расчески – единицы хранения, в равной степени подтвержденные инвентаризации музейными работниками). Такая трансформация позволила поколениям экспериментаторов черпать из этого культурного слоя без всякого почтения к «материалу». Почтение к культуре, свойственное поколению художников, сформировавшемуся в нашей стране в эпоху «застоя», практически чуждо вытеснившему их с художественной сцены «перестроечному» поколению, удивительно самоуверенному вследствие успехов на международной арене, выпавших на их долю. «Самоотпилившиеся» модернисты начали паразитировать на породившей их культуре, выдавая чужие успехи за свои, что отсрочило гибель модернизма, хоть и привело к переименованию его в постмодернизм. Подобное стремление к корням культуры ее тайных врагов – отщепенцев усиливает деструкцию и превращает «детскую болезнь левизны» в искусстве в смертельно опасный недуг.

Трансформированные представления заставляют критику и зрителя замечать в современной культуре в первую очередь фетишизированные произведения, фетишизированных личностей и окукленных героев, что особенно заметно в кинематографе, где личность (актер) и герой (роль) совсем слились и окуклились (Чаплин, Монро, Шварценеггер, Мадонна). Сильнейший прессинг американизма в культуре Европы только в последнее время коснулся нашей страны, оказавшейся или совершенно к этому не готовой, или давно этого ждавшей. Так или иначе, захват произошел почти мгновенно, три четверти отечественной культуры американизируется, что ускорит все процессы изменений в культуре и, как мне кажется, поставит под угрозу сам факт существования в нашей стране «высокой» культуры, окончательно вытесняемой массовой культурой, так как у разоренного государства на «высокую» просто не будет денег (ведь богатейшей русская культура была тогда, когда богатейшим было русское государство). Массовая же культура специально предназначена для бедных и самоокупается, даже приносит большие доходы. Носители же «высокой» культуры уже сейчас следуют за своими кумирами – Михаилом Барышниковым, Мстиславом Ростроповичем, Натальей Макаровой, Андреем Тарковским, Владимиром Набоковым наконец. Но одной из важнейших составляющих образа отечественного деятеля культуры всегда были самоотверженный героизм, резистентность – константой. Деятели культуры формируют партизанские отряды, сушат сухари, готовятся к нелегальной работе – теперь не бизнесмен маскируется «под художника», а художник маскируется «под бизнесмена».

В этой ситуации «неоакадемисты» выглядят нелепо, абсурдно, просто неуместно. Как будто ничего не произошло, «с хорошей миной при плохой игре», как дети малые, резвятся они вокруг статуи Аполлона в храме искусств, в панике покидаемом служителями.

Ситуация, в которой сейчас находится человечество, рождает, возможно, единственно здравую мысль – необходимость переговоров и примирения.

Примирения во всем – в искусстве в том числе. Развязанная экстремистами от искусства правого и левого толка более чем столетняя война принесла многочисленные разрушения (вспомним погром Академии в Петрограде или уничтожение картин бульдозерами), человеческие жертвы, приносимые ради красного словца разухабистого критика. Эта война отчасти породила две мировые и множество локальных войн.

НЕМЕДЛЕННОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОЙНЫ В ИСКУССТВЕ !!!

Вот требование наиболее прогрессивных сил искусства. Немедленные переговоры на всех уровнях, братание враждующих сторон, снятие блокады Союза художников в Ленинграде, осажденного неформалами различного толка и полностью парализованного.

Начинать нужно с себя, здесь и сейчас.

Неоакадемизм, тихий шепот твой да остудит горячие головы бандитов и разбойников.

Тимур Новиков, 1991